

Ильшат Мухаметзарипов

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ШАРИАТА О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАКА РОССИЙСКИМИ МУСУЛЬМАНАМИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ.

С начала 90-х годов в отечественной научной литературе и СМИ поднимается вопрос о возможности применения норм шариата на территории Российской Федерации. Так, А. Малащенко и А. Игнатенко считают возможным «подстраивание» шариата под российские законы [8,22,23]. С.А. Арутюнов выступает за легализацию мусульманского права на Северном Кавказе [2]. М. Бибарсов высказал предположение о будущем внедрении норм шариата в рамках существующей государственно-правовой системы [25]. Поэтому актуальным является изучение исторических примеров взаимодействия шариата и российского права, например, в сфере заключения брака между мусульманами.

До начала последней четверти XVIII в. российские власти не уделяли внимания правовому регулированию брачно-семейных отношений нехристианских народов империи. 17 марта 1775 г. Екатериной II принят Манифест, который отменил все установленные ранее ограничения брака для людей «всякого рода и поколения» [33]. Впоследствии данное положение было закреплено в Своде законов гражданских, в котором указывалось, что «каждому племени и народу... дозволяется вступать в брак по правилам их закона» (ст. 90 Свода законов гражданских) [39]. Закрепление подобной «отсылочной» нормы вело к возможности применения обширной совокупности норм мусульманского права на территории России. Важность для мусульман регулирования семейных отношений на основании норм шариата упоминается современниками. Так, Е.Т. Соловьев писал о мусульманах-татарах: «У татар-магометан, не только Казанской губернии, но и всех тех местностей, где они только живут в России, все условия брака выполняются по «Корану». Он отмечал, что шариатом «определяется и то положение женщины, в каком она находится у татар» [41, С.24].

В России браки мусульман подлежали обязательной письменной регистрации, в то время как шариат не устанавливает подобного обязательства. Только брачный договор мусульман (кебинный акт), составленный духовенством по правилам шариата в присутствии свидетелей и внесенный в метрические книги, признавался действительным [37, С. 40, 41]. Статья 92 ч. 1 Т. X Свода законов признавала законным лишь брак, отраженный в метрических книгах [39].

Метрические книги являлись особым документом не только в семейных, но и в имущественных отношениях мусульман, порядок ведения которых устанавливался ст. 1077, 1078 Законов о состояниях [15].

Брачный возраст, установленный исламом, в России претерпел значительные изменения. Если шариат допускает брак с 15 лет для мужчин и с 9 лет - для женщин [56, С.1], то в России с 22 марта 1835 г. действовал Указ Сената о распространении на мусульман требований о возрасте вступающих в брак (18 лет для мужчин, и 16 лет – для женщин), основанный на императорском указе от 1 марта 1835 г. [35] Пункт 1 Правил ОМДС о порядке заключения и расторжения брака для мусульман от 29 января 1841 г. (далее – Правила ОМДС о браке) подчеркивал, что опекуны (валии) сторон, в частном порядке или в присутствии приходских имамов, не должны венчать жениха ранее 18 лет, а невесту ранее 16 лет [38, С.15]. С 21 июня 1849 г. для мулл за совершение ранних бракосочетаний было установлено наказание в виде тюремного заключения до 6 месяцев. В Своде законов гражданских брачный возраст был отражен в ст. 3 и 91 ч. 1 Т. X [39]. В то же время для некоторых мусульманских регионов были сделаны уступки. Согласно ст. 1490 и 1605 Устава духовных дел иностранных исповеданий, мусульманам Закавказья дозволялось вступать в брак с 15 (для мужчин) и 13 лет (для женщин) [44].

Исследователи отмечают, что большая часть мусульман следовала указанным положениям о брачном возрасте. Например, Н. Н-чъ пишет о мусульманах-татарах: «Для вступления в брак требуется, чтобы жениху было не менее 18, а невесте – 16 лет; правило это соблюдается у татар очень строго и нарушение его у них считается грехом; точно также стро-

го запрещается алкораном прибавлять лета жениху или невесте» [32, С.22]. Относительно разницы возраста вступающих в брак упоминается, что «жених обыкновенно берет невесту моложе себя несколькими годами, хотя иногда бывает и наоборот» [32, С.22]. Более поздний «традиционный» брачный возраст у татар России на начало XX в. отмечают и современные исследователи. По данным Д.М. Исхакова, средний брачный возраст у средневожско-приуральской группы татар (казанских, приуральских и мишар) составлял 22,7 у мужчин и 19,7 у женщин. У астраханских татар – соответственно 22,9 и 17,9, сибирских – 21,9 и 18,4, крымских – 25,0 и 18,3 [17, с.79]. Полагаем, что одной из причин более позднего вступления в брак у татар, наряду с социально-экономическими факторами, можно назвать и законодательный запрет на ранние браки. В то же время отдельные факты ранних браков имели место среди мусульман России. 13 ноября 1823 г. татары д. Тукучевой Уфимского уезда Оренбургской губернии К. Бакиев и Х. Ирмаков сообщали о вступлении в брак с несовершеннолетней татарина К. Абзанова [51, д.146]. В 1842 г. в несовершеннолетнем возрасте была выдана замуж татарка из д. Альметевой Царевококшайского уезда Казанской губернии Б. Сабитова [51, д.1735]. Напротив, на окраинах Российской империи, например, в Туркестанском крае, где законодательный запрет соблюдался не так строго, средний брачный возраст девушек, по данным В. Наливкина, составлял 13-15 лет [29, с.196].

По шариату обязательное присутствие священнослужителя при совершении брака не требуется. Необходимым условием является лишь наличие свидетелей – валиев [56, С. 2]. Однако пункт 2 Правил ОМДС о браке гласил, что только приходские имамы могут

совершать брак. В то же время п.1 Правил упоминает о «частном порядке» венчания. Полагаем, что составители Правил в данном случае вынужденно пошли на очевидное отступление от норм шариата. Для этого было два веских основания: 1) без участия священнослужителя существовала опасность неправильного следования религиозным предписаниям, что в свою очередь привело бы к снижению религиозной «грамотности» прихожан; 2) ОМДС изначально создавалось по замыслу российского правительства как средство контроля за жизнью своих подданных и являлось, по справедливому высказыванию Н.К. Гарипова, «результатом российской политики» [9, С.27]. Имамы ОМДС одновременно были людьми на службе властей, ответственными за выполнение предписаний закона мусульманами – по образному выражению Д.Р. Гильмутдинова, «инструментом управления иноверческим населением» [10, С.34]. Без их участия возникала опасность правонарушений (например, ранние браки). Как писал М. Машанов, вследствие непременного участия мулл в различных сферах жизни мусульманской общины они являлись «главным фактором в деле упрочения ислама» [26, С.10, 11]. Согласимся с мнением З.А. Ишмухаметова об огромном влиянии мулл на народные массы и их необходимости для государственной власти [18, С.36, 37].

По шариату, каждый мусульманин, вступая в брак, обязан выделить невесте определенную часть своего имущества («махр») [56, С.7, 8]. Махр, как собственность жены, не входит ни в наследственную, ни в конкурсную массу [5, С.128]. У тюркских народов понятие «махр» часто заменялось понятием «калым» (выкуп за невесту) [6, С.160]. Калым являлся пережитком древних обычаев, сохранившимся у многих народов. Отмечает-

ся существование института калыма и у немусульманских народов региона. Например, М. Харузин пишет об обязательности у удмуртов (вотяков) уплаты «калюма» за невесту [47, С.270]. Кроме того, в России мусульмане в подавляющем большинстве придерживались ханафитской правовой школы, отличительной особенностью которой было сохранение традиционных, обычных норм и включение их в систему шариата. Калым у татар Казанского и Лаишевского уездов Казанской губернии поступал в распоряжение невесты [12, С.9]. У сибирских татар поступал в пользу отца девушки, который, однако, не распоряжался им, а передавал все дочери [4, С.126]. В то же время калым у татар Малмыжского уезда и мишарей Нижегородской губернии предназначался родителям невесты [42, С.59]. У башкир часть калыма отдавалась отцу новобрачной, другая половина – невесте [55, С.259, 260]. Подобные различия говорят о том, что уплата выкупа за невесту у мусульман определялась в первую очередь обычным правом.

Размер калыма в России зависел от состоятельности вступающих в брак. По данным Г. Т. Бакиевой, бедняки платили 30 рублей, а богатые – от 100 и более рублей [4, С.126]. Н. Н-чъ считал, что калым зависит от состояния жениха и составляет в разных случаях от 10 до 500 рублей [32, С.24]. Г.Н. Ахмаров сообщал по поводу калыма у татар Казанской губернии следующее: «Размер калыма зависит от качества невесты (молодости, красоты, состоятельности ее родителей и т.п.) и постепенно уменьшается к старости. Дается и за вдову, но сравнительно небольшой» [3, С.17, 18]. Например, житель д. Тусказанской Тарского округа К. Бакин, выдавая дочь замуж за Н. Аширова, получил калым в сумме 38 рублей [51, Д.1082]. Для сравнения, в Туркестанском крае калым мог составлять

от 12 до нескольких сот рублей [29, С.201, 202]. Размер калыма часто был неприемлем для малоимущих слоев мусульман России. У татар Тарского уезда в конце XIX - начале XX в., по словам Ф.Т. Валеева, встречались случаи нахождения холостого мужчины в женихах в течение нескольких лет из-за невозможности своевременно выплатить калым [6, С.161]. А.В. Авксентьев отмечает подобное и в мусульманских странах [1, С.29].

Уклонение от уплаты части калыма после вступления в брак было довольно распространенным. Например, 1 февраля 1826 г. мещерячка д. Тюрюшевой Белебеевского уезда Оренбургской губернии Ш. Кунафина жаловалась в ОМДС о недополучении ею части калыма от мужа А. Валитова [51, Д.178]. Подобную же жалобу 11 сентября 1835 г. подала в ОМДС жена отставного солдата Габбасова из Казанского уезда Казанской губернии [51, Д.1173].

При обнаружении фактов невыплаты калыма ОМДС предписывало взыскать калым, отправляя копии постановлений в суды и органы полиции, так как имущественные споры, бывшие следствием нарушения обязательств, связанных с калымом, являлись сферой деятельности не духовных собраний, а гражданских судов. Именно суды выносили окончательное решение и применяли меры принуждения к должникам. Например, в 1828 г. Ш. Халитов взял в жены Х. Муталлимову и обязался выплатить калым в 80 рублей. Отдав при заключении брака только 24 рубля, от выплаты остальной суммы отказался. Факт заключения брачного договора между Халитовым и отцом девушки был подтвержден имамом С. Мусиным. ОМДС постановило взыскать с ответчика указанную сумму в 80 рублей и направило копии материалов дела в Спасский земской суд и казенную палату. 13 апреля 1838 г. взыскание дол-

га было произведено и 19 марта 1839 г суд направил в ОМДС уведомление [51, Д.482]. Случались попытки духовных лиц взыскать долг по своей инициативе. Так, в 1894 г. ахун Х. Ахметов предоставил в Малмыжский волостной суд протокол о взыскании с татарина Ш. Сулейманова суммы калыма и гиддатного содержания в пользу его жены. Суд удовлетворил прошение. Однако ОМДС 13 сентября 1895 г. пришлось к заключению, что указанный ахун превысил свои полномочия, так как согласно ст. 1211 Устава духовных дел иностранных исповеданий, «магометанские духовные лица, производя дела о расторжении браков, не должны касаться взаимных претензий супругов по имуществу» [51, Д.13674].

Другим важным элементом бракосочетания для российских мусульман было приданое, хотя оно не является обязательным при заключении брака по шариату. Приданое невесты формировалось из средств, переданных женихом в счет калыма, и средств, собранных родителями девушки [28, С.28, 29]. Тесную связь между калымом и приданым невесты отмечал Е.Т. Соловьев: «У татар-магометан Казанской губернии и всех тех местностей, которые они населяют... приданое невесты чаще всего готовится на калым. Он служит обеспечением женщины в том случае, когда муж прогонит ее от себя незаконно, и потому она весь накет получает в свою собственность» [41, С.32]. Приданое могло состоять из нескольких частей: скота (коров, овец), домашней утвари (постельных принадлежностей, посуды), одежды и др. [51, Д.1084, 1288]. Традиция формирования приданого за счет калыма являлась нормой обычного права и была свойственна также немусульманским народам России [21, С.247].

По шариату после полной уплаты махра муж может забрать жену в свой

дом [24, С.165]. В литературе указывается, что и у российских мусульман «со времени ухода девицы из дома родителей в дом жениха, она становится женою последнего» [41, С.24]. Однако были случаи, когда после заключения брака муж не забирал жену. Например, пристав 2 стана Мамадышского уезда Казанской губернии 24 июня 1861 г. направил в ОМДС рапорт, уведомив о прошении татарина М. Рахметулли-на о том, может ли он, после развода с прежней женой по хлюгу, не брать новую жену после брака в дом «год, два или три и не отдавать обещанный калым... и может ли жена взять указанный калым как свою собственность». Сведения по указанным вопросам пристав просил представить ему и в Мамадышский земский суд. Земский суд 16 июля 1861 г. представил в ОМДС дополнительные сведения по делу о том, что калым был 200 рублей деньгами и 15 рублей коврами и был заранее оговорен сторонами при совершении хитба (сватовства). ОМДС уведомило Мамадышский земской суд о том, что 1) часть калыма в виде денег или имущества, предназначенная жене, должна быть немедленно заплачена мужем; 2) муж после совершения брака должен взять жену в свой дом и доставлять ей пропитание, одежду и дать для проживания комнату; 3) все это муж должен исполнять даже в том случае, если жена не допускает его к супружескому ложу за неуплату им ей калыма. Указанные сведения были приняты судом для совершения судебного разбирательства [51, Д.4848].

Важным условием брака по шариату является его добровольность [7, С.135, 137; 24, С.127-130; 57, С.33, 35; 56, С.2; 5, С.126]. Абзац 2 п. 5 Правил ОМДС о браке специально упоминает об обязательности согласия невесты и о необходимости заключения брака с равным по общественному положению и за калым, соразмерный с состояни-

ем невесты. В случае если брак совершен против желания и с неравным, то невеста (или вдова) могла требовать о признании брака не имеющим юридической силы [38, С.16; 57, С.35]. Фетва муфтия А. Сулейманова от 17 октября 1851 г. подтверждала право невесты на публичное выражение своего согласия или несогласия при заключении брака [50, Д.40]. Мнения исследователей по вопросу добровольности брака среди мусульман дореволюционной России разнятся. Г. Громов, основываясь на своих наблюдениях за обычаями сибирских татар, пишет, что «принуждения в женитьбе у них нет нима-лейшего, а особливо женского полу» [4, С.124]. Напротив, Е.Т. Соловьев отмечает: «У татар-магометан... замуж девиц выдают нередко за таких мужчин, которых они вовсе не знают и никогда не видали, лишь бы, по практическим расчетам родителей, такие женихи представляли собой для дочерей выгодную партию. При таком условии нередко случаи того, что невеста смотрит на жениха с ненавистью, но родители... на это никакого внимания не обращают и тем часто создают несчастные браки» [41, С.24]. Н. Н-чъ считал, что «у татар обыкновенно не встречается, чтобы родители принуждали молодых людей к вступлению в брак, но общество иногда прибегает к этому средству, если молодые были замечены в любовной между собою связи» [32, С.22]. Полагаем, что вышеуказанные точки зрения отчасти верны и отражают реальные факты. Патриархальные традиции, осуждавшие неподчинение детей родительской воле, порождали возможность браков против воли невесты. С другой стороны, ОМДС указывало на необходимость по шариату согласия родителей на брак [51, Д.39; 38, С.150-152].

Следует отметить, что браки посредством ухода невесты к жениху без ведома родителей имели место у

мусульман России. У поволжских татар он имел древние корни. По свидетельству арабского писателя X в. Ибн-Даста, он практиковался еще у буртасов: «Девушка у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама по желанию своему выбирает себе кого либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к отцу тот, который сватается за нее, если нравится отцу, получит от него дочь в замужество [16, С.21]. Г.Н. Ахмаров полагал, что большинство браков татар в начале XX в. совершалось по этому способу [3, С.9, 10]. Однако Н. Н-чъ придерживался иной точки зрения на распространенность подобных браков: «Браков убегом у татар не бывает, так как ни один мулла не согласится венчать брак, если на него нет согласия родителей» [32, С.23]. Полагая, что последняя точка зрения не совсем верна. Отрицать полное отсутствие «браков убегом» в среде мусульман было бы неправильно. Факты подтверждают данную позицию. Например, в 1871 г. мещанин г. Верхнеуральска М. Мухаметвалиев заключил брак с сестрой Х. Габдулгасарова из д. Аскарово, тайно забрав ее. Дело рассматривалось ОМДС, которое 7 октября 1874 г. оставило дело без последствий [50, Д.131].

Уложение о наказаниях предусматривало наказание независимо от вероисповедания при похищении незамужних и замужних женщин, насильном склонении к браку, в том числе и для родителей (ст. 1549, 1550, 1580, 1586) [43]. Тем не менее отдельные нарушения происходили. В 1823 г. был отмечен факт принуждения к насильственному сожительству татарки Р. Хасановой татаринном А. Альмухаметовым из д. Новой Избрайкиной Чистопольского уезда Казанской губернии [51, Д.125]. В 1830 г. дочь татарина Х. Мукаева из д. Аровой Царевококшайского уезда Казанской губернии

была насильно увезена Г. Калимулиным и обвенчана с ним [51, Д.487]. В 1853 г. насильно выдали замуж жительницу д. Ново-Субханкулово Верхнеуральского уезда Г. Габдулгазизову [51, Д.3284]. Встречались факты продажи женщин. В 1832 г. житель д. Бакаево Белебеевского уезда Х. Файзуллин продал свою жену за 80 руб. подпоручику Башкирского войска А. Бакирову. По этому поводу муфтий Г. Габдрахимов писал 8 мая 1833 г., что данный поступок совершенно дерзок противу закона магометанского... да и подпоручик Бакиров не вправе был вольную женщину брать в покупку и располагать подобно крепостной». ОМДС предписало вернуть женщину отцу [51, Д.1195]. Иногда принуждение к вступлению в брак было сопряжено с предварительным насильственным похищением невесты. «Похищение - писал Г.Н. Ахмаров, - способ более древний и первобытный, хотя уже довольно редко, но все еще практикуется» [3, С.5]. К этому способу прибегали в том случае, когда не было надежды склонить невесту и ее родителей на заключение брака в обычном порядке. Захватив невесту, жених спешил вступить с ней в фактический брак, используя при этом угрозы и насилие. Так как бесчестие девушки считалось позором для нее и родителей, то последние поневоле вынуждены были согласиться на брак с похитителем. В случае насильственного похищения калым требовали больше обыкновенного. В тех же случаях, когда невеста и ее родители ни при каких условиях не соглашались на совершение бракосочетания, то невеста, в большинстве случаев, просто отбиралась, и дело, как пишет Г.Н. Ахмаров, «до суда не доходит, так как всякое оглашение о таком позоре, чем больше оно будет распространяться в народе, тем хуже отразится на репутации девушки. И самая явка девушки в суд считается не

меньшим позором для нее» [3, С.7]. Он отмечал случаи взаимного похищения девушек между чувашами и татарами в Буинском и Тетюшском уездах Казанской губернии [3, С.9]. В январе 1826 г. в ОМДС сообщали о насильственном увозе группой татар с поля д. Старая Задоровка Буинского уезда девушки З. Мокаевой с целью выдачи ее замуж [51, Д.202].

От насильственного похищения невесты следует отличать «похищение невесты», бывшее частью брачного обряда. Этот обычай у тюркских народов имел место до принятия ислама. Е.Э. Сно описывает его так: «После того, как родители жениха и невесты поговорят и решат свадьбу, жених с товарищами приезжает в дом невесты... Во время пребывания в доме невесты, молодые люди выбирают удобную минуту, хватают девушку и мчатся в деревню жениха. Родители невесты, хотя отлично знают, зачем приезжал жених, однако притворяются рассерженными и посылают погоню... Едва успевают молодые скрыться в доме жениха, как является погоня, и отец невесты требует дочь. Тогда молодая выходит и говорит, что желает остаться у мужа. После этого отец требует выкуп. Кончается все это пиром» [40, С.27]. Как видим, данные действия относились к особенностям обрядов местных народов, совершались по обоюдному согласию сторон и не нарушали принципы шариата и российского законодательства.

Шариат позволяет вступление в брак без предварительного согласия жениха и невесты, но с обязательным последующим изъяснением согласия брачующихся (брак «фзули») [24, С.142, 143]. Некоторые исследователи отмечали наличие браков в среде российских мусульман без предварительного знакомства жениха и невесты. Например, Я.Д.Коблов упоминает о заключении браков, которые

производились в отсутствие жениха: «Бывают случаи, когда брачный договор заключается в отсутствие жениха, находящегося ... в другом городе или деревне, так что он даже и не знает, что женился» [20, С.23]. В таких случаях жених, узнавший о заключении брака, должен был сказать, что согласен, иначе брак считался незаключенным. Если же жених слышал от кого-то, что относительно его заключают брачный договор и не сказал ничего по этому поводу, то, хотя бы впоследствии он и выражал согласие, брак не признавался законным [20, С.23; 57, С.31]. Такой же позиции придерживались духовные учреждения. 14 июля 1903 г. ОМДС, по запросу ахуна Варшавского магометанского прихода С. Сюняева от 30 июня 1903 г., указало, что брак в отсутствие жениха («фзули») заключается в том, что лицо, не уполномоченное в качестве валя или вакиля, совершает обряд бракосочетания без ведома жениха и невесты. Такой брак считается действительным, если жених и невеста, узнав о браке, изъявят на то свое согласие [38, С.153, 154]. Некоторые современники были против подобных браков. В 1837 г. М. Балтагулов из д. Курман Шадринского уезда Пермской губернии составил проект циркуляра из 12 пунктов, направленный против такого обычая [47, С.194]. Циркуляр был составлен на основе различных материалов по мусульманскому праву. Кантонный начальник Шадринского уезда Бикметов одобрил документ и направил его в ОМДС. В сопроводительном письме Бикметов писал: «Среди мусульман стало обычаем бракосочетание без предварительного знакомства. В результате вступающие в брак часто оказываются обманутыми, и разрушается у них семейная жизнь... Убедительно просим Вас сделать распоряжение через соответствующие учреждения мусульман, чтобы они покон-

чили с указанным вредным обычаем и в дальнейшем люди вступали в брак, только заранее увидевшись друг с другом» [45, С.107]. А.И. Харисов отмечает, что решение муфтия по проекту М.Балтагулова неизвестно и данный вопрос обрел силу законодательного запрета только через 80 лет после указанных событий (после Октябрьской революции 1917 г.) [47, С.194].

Согласно Правилам ОМДС о браке, до совершения брака имама обязались собирать сведения о том, состоит ли уже в другом браке будущая супруга, истек ли период гидата, нет ли допускаемой шариатом степени кровного родства с женихом. В случае наличия подобных оснований брак расторгался [38, С.16]. Например, на основании указаний «Захири-Риваят» ОМДС 22 мая 1829 г. был расторгнут брак А. Мурсина со второй женой, так как она являлась родной племянницей первой жены. О расторжении брака перед ОМДС ходатайствовал Буинский уездный суд [51, Д.452].

Прелюбодеяние («зина») запрещается шариатом и относится к числу уголовных преступлений. Наказание за подобное деяние устанавливается в виде побивания камнями (если мусульманин на момент совершения преступления уже состоял в законном браке) или 100 ударах плетью (если имеет место добрачное сожительство) [7, С.175, 176; 27, С.51]. С момента образования первых духовных учреждений российские мусульмане пытались применять наказание за прелюбодеяние по шариату. Например, телесное наказание по шариату было наложено на татарина Таврического уезда Таврической губернии М. Челеби 25 августа 1823 г. [51, Д.153]. В 1831 г. на бухарца А. Кемалю и жену татарина д. Актацикият Симферопольского уезда Хакредита Аип Сефу было наложено следующее наказание: первому - 99 ударов палками в присут-

ствии городской полиции, второй – наказание розгами в присутствии деревенского схода и передачей для покаяния и исправления приходскому имаму. Татарина д. Мамак Симферопольского уезда Мурадасиля, участвовавшего в уводе Аип Сефы от мужа к Аджи Кемалю, приговорили к 39 ударам палкой в присутствии Симферопольской полиции по «уважению молодых его лет, и в надежде, что он от подобных поступков воздержится» [34].

Хотя российское уголовное законодательство предусматривало такой состав преступления как прелюбодеяние, власти выступили против применения наказаний по шариату в отношении мусульман. 14 июля 1832 г. Сенат, рассмотрев случаи применения духовными учреждениями телесных наказаний, пришел к выводу о невозможности применения телесных наказаний за прелюбодеяние, предписав духовенству ограничиться лишь увещанием [34]. Решением Государственного Совета от 8 июня 1837 г. «О порядке решения дел о магометанах, изобличенных в прелюбодеянии», духовные собрания за внебрачное сожительство могли налагать на виновных наказание в виде духовного покаяния и исправления, а если этого было недостаточно, то гражданские суды, в зависимости от обстоятельств дела, увеличивающего или уменьшающего вину, могли применить наказание в виде «временного заключения» сроком от 3 до 14 дней [36]. Согласно Уложению о наказаниях, мусульманское духовенство в делах о прелюбодеянии назначало виновным духовное покаяние и исправление (ст. 1585). Предусматривалось и наказание в виде поста сроком 40 дней [43]. До этих изменений применяли наказания, основанные на различных законодательных актах. Например, Сенат указывал на следующие примеры:

1) Казанская палата уголовного суда, по делу о прелюбодеянии мусульманина, на основании ст. 391 Учреждения о губерниях, приговорила виновного к заключению в смиренный дом на две недели; 2) ОМДС, согласно с артикулом 169 Воинского устава, предлагало отсылать мужчин и женщин, обличенных в позорной связи, в рабочий дом на некоторое время [34].

Мусульманское духовенство, после издания вышеуказанных государственных актов, перестало применять телесные наказания. Например, в 1839 г. татары Тарского округа Ниясбагин и Чубарова получили наказание в виде 40 дней поста. Им также было предписано, чтобы они «каждодневно приносили всем пред богом чистосердечное раскаяние: мужчина в мечети, а женщина у приходского муллы в день по три часа» [51, Д.1287]. К подобному же наказанию за «любовные связи» был привлечен в 1859 г. рядовой гарнизона г. Санкт-Петербурга А. Абдулов по рапорту имама М. Хантамирова [51, Д.4449]. Духовные учреждения старались обращать внимание верующих на недопустимость внебрачного сожителства. Например, в решении ОМДС от 12 февраля 1852 г. говорится: «нередко... будущие зятья, условившись с родителями невесты, отдавая калым без венчания, бывают допускаемы последними в свои дома, почему и впадают с будущими женами в блуд, каковыми пользуются до венчания год и более, а местное духовенство, зная это, равнодушно» [54, Д.52].

Запрет законодателем наказаний, установленных шариатом, по нашему мнению, был вызван двумя причинами. Во-первых, предоставление права мусульманскому духовенству осуществлять наказания по шариату могло привести к усилению влияния ислама, что не могло быть допущено властями. Во-вторых, уголовное право является исключительной пре-

рогативой государства, при помощи которого обеспечивается соблюдение правовых норм. Если мусульманские государства до их завоевания Россией обеспечивали соблюдение норм мусульманского семейного права, применяя предусмотренные шариатом составы преступлений и наказания (например, телесное наказание за прелюбодеяние), то уже российское государство, вследствие принадлежности к иной правовой системе, не могло этого позволить. Уголовное право России отличалось от шариата и строилось на иных принципах, поэтому многие деяния карались более мягкими наказаниями, а то и оставались без последствий, так как не существовало состава преступлений. Согласимся со словами Д.Р. Гильмутдинова: «Чужая власть не могла управлять иностранными исповеданиями, не оказывая влияния на особенности проявления их в общественной жизни» [10, С.56].

В шариате существует институт предварительного брака, когда валии несовершеннолетних детей заранее договариваются о браке, исполнение которого обязательно после достижения супругами совершеннолетия [56, с.3]. Однако предварительный брак не упоминался в законодательстве Российской империи и не был урегулирован. Часто родители или опекуны несовершеннолетних детей пользовались этим и обманывали женихов. Например, мещеряк из д. Калмыково Бирского уезда Оренбургской губернии в 1827 г. жаловался в ОМДС на родственников сосватанной им невесты, так как те отказались выдать ее замуж по совершеннолетию [51, д.211]. В 1840 г. в Сергачском уезде Нижегородской губернии произошли два подобных случая в отношении татар А. Муннафарова и А. Мамлеева [51, д.1616, 1617]. Однако были случаи, когда будущая невеста по достижению брачного

возраста отказывалась выходить замуж не вследствие корыстных целей, а по уважительным причинам. В 1827 г. старшина д. Атреклен Мензелинского уезда Оренбургской губернии А. Емангулов сообщал в ОМДС о намерении сосватанной им Я. Башировой выйти замуж за другого [51, д. 212]. В 1843 г. З. Утаева из д. Сибаево Верхнеуральского уезда отказалась выходить замуж за чиновника 14-го класса Я. Чураманова, за которого была просватана еще в 1830 г., так как жених «имеет преклонные лета» [52, д.1351]. Примечательно, что институт предварительного брака, лишившись государственной поддержки, постепенно изживал себя и на окраинах Российской империи [29, с.200].

Шариат не позволяет вступать в брак с лицами, состоящими в определенной степени родства [19, с.70-72; 57, с.25, 26; 56, с.5-7]. Мусульмане России старались соблюдать предписанные ограничения. Г.Н. Ахмаров приводит случай в Тетюшском уезде, когда парня женили на двоюродной сестре. У невесты по вступлении в брак долгое время болели глаза. «Это приписывалось, - пишет автор, - близкому родству супругов. По желанию сторон без всякой распри брак был расторгнут; муж женился на другой, и она вышла за другого» [3, с.29]. В то же время, поскольку шариат не запрещает мужчине жениться на вдове брата, то у мусульманских народов России, например у казанских татар, до 1917 г. существовал обычай левирата, когда женщина после смерти мужа выходила замуж за его родного брата [12, с.14]. В Туркестанском крае местные жители, соблюдая ограничения, предписанные шариатом, предпочитали браки внутри рода с целью укрепления родственных связей и также практиковали левират [29, с.198, 231].

Шариат позволяет мужчине иметь до четырех жен [57, с.36, 37; 56, с.4, 5].

Статья 90 Свода законов гражданских, являвшаяся «отсылочной», допускала применение данной нормы. Однако не все мусульмане России могли применять данное правило. Мусульмане, проживавшие в Царстве Польском, на основании ст. 25 и 181 Положения о союзе брачном Царства Польского 1836 г., не могли иметь более одной жены [14, с.138, 158]. При вступлении во второй брак играл значение и правовой статус брачующегося, так как в Российской империи дополнительно существовали ограничения, связанные с военной службой. Например, согласно постановлению ОМДС от 29 января 1841 г., начальникам башкирского или другого казачьего сословия доверялась выдача удостоверений того, что жених для вступления в брак со второй женой имеет причины, может содержать жен «безукоризненно и справедливо». Подобное удостоверение должно было содержать требование к жениху не обижать первую жену. Как видим, в данной правовой норме произошло слияние требований государства (предварительное согласие начальства) и норм мусульманского права (требование содержать вторую жену в достатке и не обижать первую жену).

Многоженство не получило повсеместного распространения среди мусульман России, однако имело место. Г.Н. Ахмаров писал: «Хотя магометанский закон и допускает многоженство, но более одной жены имеют очень немногие из татар. О невыгоде иметь двух жен сложилось много поговорок, вроде «при двух хорошо, при одной спокойно», «буран на дворе терпеть можно, а буран в избе – невозможно» [3, с.31]. К. Фукс также отмечал, что очень немногие из татар-мусульман в Казанской губернии имеют более одной жены [46, с.3]. Как правило, многоженство практиковалось в среде состоятельных слоев мусуль-

манского общества (духовенства, богатых горожан, отставных военных и др.) [11, с.173]. Например, у зажиточного мещанина г. Казани Х. Абдулгазеева было две жены [30, д.8]. Отставной унтер-офицер С. Газеев, проживавший в г. Казани, имел трех жен [31, д.929].

Шариат регулирует браки между представителями разных религиозных конфессий. Ислам допускает браки мусульман только с христианками и иудейками [56, с.7]. В условиях Российской империи браки христианок православного и католического исповедания с мусульманами запрещались ст. 85 ч. 1 т. X Свода законов гражданских [39]. Например, в 1867 г. новокрещеный И. Александров, проживающий в д. Менеуз-Тамаково Белебеевского уезда Оренбургской губернии женился по мусульманским обычаям. Брак был расторгнут, а мулла получил выговор [50, д.109]. В 1870 г. был расторгнут брак новокрещеного И. Ефимова и М. Тимеркаевой из д. Янадыбакиево Уфимского уезда [53, д.256]. Закон допускал только браки мусульман с христианами евангелического исповедания (лютеранами и др.) [14, с.130].

18 декабря 1884 г. был заключен брак мусульманина д. Терменево Тарлатинской волости Златоустовского уезда А. Зиянтюрин и иудейки Зейгер. ОМДС разрешило брак, предписав, чтобы молодожены оставались в своей вере [51, д.11122]. Отец невесты Ш. Зейгер и его поверенный М. Хволос, считавшие брак незаконным, обратились с жалобой в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (далее – ДДДИИ). 28 мая 1885 г. ДДДИИ оставил жалобу без последствий, так как 1) нехристианам дозволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям (ст. 90 ч. 1 т. X Св. Законов), 2) по учению еврейской веры только брак с язычниками

признается недействительным, 3) по шариату бракосочетание признается гражданским актом, 4) совершение всяких актов законам не противных, представляется возможным на основании гражданских законов [38, С.29, 30]. 28 марта 1898 г. ОМДС подтвердило разрешение на браки мусульман с иудейками [51, Д.11122].

По шариату запрещаются браки между мусульманами и язычниками [56, С.7]. В России данный вопрос был связан с религиозной политикой властей. В 1858 г. император Александр II, на основании доклада оренбургского генерал-губернатора В.А.Перовского и обер-прокурора Святейшего синода, приказал принять действенные меры по предотвращению «совращения» язычников в мусульманство. На этом основании А.П. Безак издал инструкцию о браках язычников с мусульманами, в которой устанавливался запрет на их совершение [49, Д.13882]. Полагаем, что в случае запрета браков мусульман с язычниками российские власти руководствовались не столько желанием соблюдать нормы шариата, сколько в первую очередь беспокоились об ограничении распространении ислама среди язычников. В таком случае целесообразность взяла вверх над правовой составляющей подобного решения.

Браки между представителями разных народов не регулируются шариатом. Однако в России мусульманскому духовенству приходилось следовать местному законодательству. С 11 мая 1747 г. до 1846 г. башкирам и татарам запрещалось вступать в брак с казаками [51, Д.476].

Как видим, при заключении брака по шариату в России существовали следующие особенности, обусловленные политическими, религиозными и правовыми факторами: 1) существенное изменение брачного возраста для мусульман; 2) запрет на браки

мусульман с христианами; 3) ограничение браков мусульман с иудеями; 4) ограничения при вступлении в брак, связанные с правовым статусом (для военнослужащих); 5) запрет на применение телесных наказаний за добрачное сожитие и внебрачные связи; 6) применение более мягких видов наказания, чем предусматривается шариатом (покаяние, арест); 7) ведение письменной документации, не предусмотренной шариатом, при заключении брака; 8) полное отсутствие на законодательном уровне некоторых институтов мусульманского права (например, предварительного брака) и применение их только на уровне обычая или договоренности;

9) введение законодателем института мусульманских священнослужителей как обязательного при заключении брака; 10) территориальный характер применения шариата (например, в отношении многоженства и брачного возраста); 11) сохранение некоторых брачных обычаев, существовавших до принятия ислама (калым, «похищение» невесты, приданое). Применение шариата при заключении брака отвечало интересам как Российского государства, так как позволяло снизить возможность волнений среди мусульман, так и интересам самих мусульман, поскольку позволяло им сохранить привычный уклад жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев А.В. Ислам и быт. – Ставрополь: Книж. изд-во, 1964. – 80 с.
2. Арутюнов С.А. Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу // Итоги. – 1999. – №3 (138).
3. Ахмаров Г.Н. Свадебные обряды казанских татар. – Казань, 1907. – 38 с.
4. Бакиева Г.Т. Положение женщины в семье сибирских татар в XIX – начале XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10.
5. Баязитов Г. Ислам и прогресс. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2005. – 152 с.
6. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 208 с.
7. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. – М.: Наталис, 2005. – 240 с.
8. Возможно ли введение шариата в России? // <http://www.islamonline.ru>.
9. Гарипов Н.К. Ислам у татар Поволжья в IX - XIX вв. – Казань: Иман, 1999. – 41 с.
10. Гильмутдинов Д.Р. Ислам и государство в средневожском регионе России в 1870-1917 гг. (на материале Казанской губернии). Дис. ... к.и.н. – Казань: КГУ, 2005. – 185 с.
11. Давлетишин К.Д. Нации и ислам (Критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 199 с.
12. Загидуллин А.А. Семейный быт татарских крестьян (вторая половина XIX – начало XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1966. – 20 с.
13. Законы о браке и разводе / сост. Я.А. Канторович. – СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1899. – 330 с.
14. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода / сост.: В. Максимов. М.: Юрист, 1909. – 480 с.
15. Законы о состояниях. // Свод законов Российской империи. Т. IX.
16. Известия о Хазарах Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Ибн-Дасты. – СПб: Тип. Ак. наук, 1869. – 199 с.
17. Исааков Д.М. Территориальная вариативность традиционных норм брачного возраста у татар // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Уфа, 1985. – 214 с.
18. Ишмухаметов З. А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. – Казань, 1979. – 224 с.
19. Казем-бек. М. А. Мюхтесерюль-вигкает. Курс мусульманского законоведения по

- школе ханефидов. – Казань: Унив. типография, 1845. – 102 с.
20. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. – Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1908. – 46 с.
21. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. – М., 1886. – 410 с.
22. Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 222 с.
23. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
24. Маргинани Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Ч. 1. Т. I-II. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 808 с.
25. М. Бибарсов: В России могут быть введены элементы шариатского правления // <http://www.islam.ru/pressclub/gost/elshap>.
26. Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. – Казань: Типо-Литография И.С. Перова, 1910. – 132 с.
27. Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 251 с.
28. Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. /под ред. Н.В. Никольского. – Казань: Типография губернского правления, 1912. – 224 с.
29. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань: Типография Императорского ун-та, 1886. – 245 с.
30. НА РТ, ф. 12, оп. 19.
31. НА РТ, ф. 51, оп. 5.
32. Н-чъ Н. Народные юридические обычаи у татар Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. Выпуск 3 – Казань, 1869 г. – 56 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1775. Т. 20. - № 14275.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1832. Т. 7. - № 5500.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1835. Т. 10. Отделение 1. - №7990.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1837. Т. 12. Отделение 1. - № 10313.
37. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1900 г. - Екатеринбург: Типография Исаака Козана, 1905.
38. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836-1903 г. – Казань: Иман, 2004. – 169 с.
39. Свод законов гражданских. // Свод законов Российской империи. Т.Х.Ч.1.
40. Сно Е. Э. Потомки Золотой Орды: татары: очерк. - СПб., 1904. – 28 с.
41. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Выпуск 1. – Казань, 1888. – 166 с.
42. Статистическое описание Янгуловской волости 1-го стана Малмыжского уезда./сост. К. Гуляев. // Вятские Губернские Ведомости, 1876. - № 19-22.
43. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. Т. XV. Ч.1.
44. Устав духовных дел иностранных исповеданий. Т. XI. Ч. 1 // Свод законов Российской империи.
45. Фахретдинов Р. Асар. Т.1. Кн. 7. – Оренбург: Тип. М. Г. Каримова, 1904.
46. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань: Типография университета, 1844. – 131 с.
47. Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. – Уфа: Башкирское издательство, 1973. – 312 с.
48. Харузин М. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда, Вятской губернии // Юридический вестник. Т. XII. – М., 1883. - № 1-4.
49. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 1.
50. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 2.
51. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 3.
52. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 4.
53. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 7.

54. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп. 8.

55. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Изд. иждивен. Учен. ком. м-ва гос. имуществ, 1859. – 472 с.

56. Шариатные статьи о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ч.1. – Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1910. – 57 с.

57. Эфендиев Р. Мухтасар шариат. Учебник магометанского вероучения суннитского толка. Ч.2. – Тифлис: Типография Т-ва «Культура», 1911. – 116 с.

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья касается проблемы мусульманского брака в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. В ней уделяется особенное внимание проблеме взаимодействия разных правовых систем в одном государстве. Проблема становится актуальной в связи с увеличением количества мусульман в немусульманских государствах. История России дает интересный пример.

Ключевые слова: Российская империя, семейное право, брак, ислам, шариат.

SUMMARY

Mukhametzaripov Ilshat

Application of sharia marriage norms by russian muslims in the end of XVIII – the beginning of XX centuries

This article concerns the problem of muslim marriage in Russian Empire at the end of XVIII-beginning of XX centuries. It pays particular attention to the problem of cooperation of different legal systems in one state. The problem becomes actual because the number of muslims in non-muslim states is increasing. The history of Russia gives an interesting sample.

Keywords: Russian Empire, family law, marriage, islam, sharia.

Сведения об авторе:

Мухаметзарипов Ильшат Амирович – аспирант отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Основное направление научного исследования: мусульманское право в дореволюционной России. Тема диссертационной работы «Особенности функционирования мусульманского права в России в конце XVIII – начале XX вв.». Научный руководитель: Мухаметшин Рафик Мухаметшович, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ.